

ВЛАДИМИР ЩУКИН

НА РАССТОЯНИИ
РУКИ
СТИХИ

г. Петропавловск
ОБЛАСТНОЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

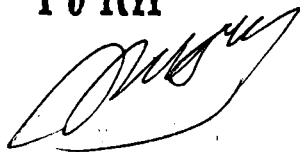
1991

В. Ш.
что руки -
на все время

ВЛАДИМИР ШУКИН

НА РАССТОЯНИИ РУКИ

СТИХИ

6.09.01

г. Петропавловск
ОБЛАСТНОЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
1991

Шукин Владимир

На расстоянии руки. Стихи. г. Петропавловск, Областной фонд культуры—130 с.

У автора сборника стихов Владимира Шукина это первая книга. Ее основная тема—утверждение нови села в краю целины, где старожилы еще помнят Горькую Линию—символ ушедшего прошлого, а сегодня обновленную созидательным трудом людей. Раздумья о времени вводят в мир, полный творческого поиска и устремленности в будущее.

Стихи автора публиковались в областных и республиканских газетах, в журналах и коллективных сборниках.

ДОБРОТА ДУШИ

Владимир Щукин живет в Северном Казахстане, работает редактором районной газеты. И — пишет стихи.

С уваженным отношусь к стойким, творчески состоятельным людям, которые не клянут судьбу, не бьют себя в грудь, а работают, ибо иначе просто не могут. А то, что автор этого сборника личность, творчески состоятельная, в факто подтверждает его первая, долгожданная для автора и, думаю, не разочаровавшая читателей полновесная поэтическая подборка в первом номере «Просто ра» за 1988 год. Конечно, появиться бы ей лет так на десять — пятнадцать раньше. Собственно, тогда автор и предлагал свои вещи журналу, но не вина его в том, что они не пошли: перекрывали дорогу тем, у кого, как говорится, локти крепче. Многие стихи, что наконец-то увидели свет на журнальных страницах, писались не в последние годы, но и в такой публикации есть свой резон и своя мудрость: хорошие стихи не стареют.

Словом, естественно и закономерно появление у Владимира Щукина этого поэтического сборника. В стихах, условно говоря, пейзажных, лирических бьется-пульсирует мысль, тревога, забота, поиск смысла бытия, гармонии, а строк пусто-порожных, неработающих здесь, слава богу, почти не встретишь. И еще подкупающее свойство стихов Владимира Щукина — доброта чувства, взгляда на мир, благородство душевное, мягкость,

которые, увы, не всегда встретишь у «городских» поэтов.

Поэт способен выдать такие отточенные строфы, которым, право же, по-хорошему позавидуешь:

Тот много теряет,
чье сердце пустынно,
кто землю не видел
с большой крутизны.
А риск без удачи,
как степь без акына,
акын без домбры
и домбра без струны.

Главное—есть искренность интонации, поэтического высказывания.

Главное, мне кажется, вот это:

Все пройдет,
только песня останется...
...пусть не словом,
хотя бы полсловом
в чьей-то песне остаться навек.

Думаю, так и произойдет с теми, кто прочтет поэтический сборник Владимира Щукина: в их душе останется песня. Песня светлая, задумчивая, тревожная. О родине. О земле. О нашем прекрасном и яростном мире...

Илья Шухов,

член Союза писателей СССР.

г. Алма-Ата

Стою на расстоянии руки
от звезд, что на ладони у реки,
лишь плеск воды у легкого весла,
как будто шелест птичьего крыла,
лишь небо, видимое до дна,
колосья хлеба, полные зерна,
комбайнов вспыхнувшие огоньки
у звезд, что на ладони у реки.
И стала ночь похожей на рассвет.
...Родился, может, где-нибудь поэт.

РОВЕСНИКУ

Как живешь?
Что снится ночью?
Чем рискуешь?
Может быть, пригрелся в Сочи,
в ус не дуешь?
Кто ты—физик или лирик
в свои 40?
Может, где-то на Курилах
новоселом?
Дружишь с ветром или с дачной
тишиною?
Веселятся или плачут
за стеною?
Может, деньги ты считаешь
для чего-то?
Может быть, тебя считают
Дон Кихотом?
Сердце жжет какая новость
до озноба?
Может быть, пытается совесть,
как Чернобыль?
Будут рифы и откосы,
будут песни.
Отвечать на все вопросы
будем вместе.

ЯНВАРЬ

Потянуло с севера, подуло,
запуржило снегом, замело.
У зимы особая натура
и свое, как видно, ремесло.
Каждый день как будто праздник снега
и улыбок нам не занимать,
ведь недаром в снеге слышно—нега,
небо, Вега и снега опять.
Никому снег нынче не перечит,
окрыляет юность он, как встарь.
И стоит у года на крылечке
первый на селе жених—январь.

Женщина сказала на заре:

«Только б раньше срока не стареть,
только бы морщинки не считать,
раньше срока их не замечать,
только б осень, как бы не пылала,
но весну в душе не отменяла».

А когда растаяла зоря,
тишину нарушил плач дитя,
женщина сказала: «Ах, забыла!
Вот уже и утро наступило».

Улыбнулась женщина,

как будто

молодеют матери под утро.

В РОДНОМ КРАЮ

У села название негромкое—
лопушки.

В нем что-то от лугов,
от озер, березового колка,
белизны ковыльной, лопухов.

Островком в степи маячит Уткино,
уплывают дымкой Симаки,
умываются росой утренней
на душистом сене светлячки.

Позови опять меня, Усердное,
ты себя Усердным нарекло
за свое усердие, наверное,
за свое сердечное тепло.

И Пресновка вновь вдали виднеется
дымкой над озерною водой,
старой деревянной мельницей,
что стоит в селе, как часовой.

И меня всегда хлеба манили
той земли, где жду своих удач,
где прошли по бывшей Горькой Линии
линии электропередач.

—Мне бы в школе детишек учить...

—Мне б с серпом по хлебам походить...

—Мне б на лодочке по реке...

—Мне бы сторожем на маяке...

—Я у дочки давно не гостил...

—Я к своей бы поехал—нет сил...

—Да и я уж теперь домосед...

—Что-то писем от внука все нет...

Говорят меж собой старики,
их слова—будто всплески реки.

РАНЬШЕ...

—Раньше, вспомнишь,
бегали босые
и вставали
рано на заре,
если уж дожди,
то проливные
и зима на снег
была щедрей.

—Раньше молодежь
была смиреннее
и друг друга
больше берегли,
даже небо
было голубее
и сильнее
голоса земли.

Были мужики
в завидной силе,
что траву косить,
что лес валить...

—Раньше мы с тобой
моложе были!

—Ну да что
об этом говорить...

Письма в работе нелишние,
письма Мария Ильинична
бережно в руки берет,
будто в живом разговоре
видятся лица рабкоров,
имя которым—народ.
Вспомнятся письма щемяще
с милым началом «Маняша!»,
с адресом кратким: «Тюрьма».
Вспомнит, как часто в подполье,
не остывая от споров,
письма писала сама.
Время не девичьих писем,
время воюющих истин,
тех, что в огне баррикад.
Письма живут и рискуют,
письма горят и всюют,
если в них—правды заряд.
Вспомнится, как захворала,
дел оставалось немало,
но не успеть все самой.
Лишь об одном пожалела,
что дописать не успела
важное очень письмо.

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ» В. И. ДАЛЯ

В каждом слове
светится нам даль,
а за далью,
как известно,—даль,
даже автор
этой книги—Даль,
будто даль
придумала словарь.

Жаль воды,
по которой и лодки не плавали,
жаль огня,
у которого тихо не плакали,
жаль вины той,
в которой еще не признались,
жаль судьбы той,
в которой мы все обознались:
мы считали,
она до корней исковеркана,
оказалось,
она вся с зелеными ветками,
жаль,
детсад стороной обходит писатель,
жаль,
что это не я у детей воспитатель.

Кажется,

что снег—не настоящий,
если не слепящий, не хрустящий,
если для тебя он не целебный,
если он по запаху не хлебный.

Кажется,

что дом не настоящий,
если не смеются в нем, не плачут,
если в нем среди мужского брата
нет такого, кто чудаковатый.

Кажется,

что дед не настоящий,
если он не пьющий, не курящий,
если ночью, накряхтевшись слишком,
сам себе не снится он мальчишкой.

Кажется,

ты сам—не настоящий,
если не мечтаешь ты о счастье,
и похоже счастье то на внучку,
дедушка ведет ее за ручку.

ВЛАДИМИР ЩУКИН

НА РАССТОЯНИИ
РУКИ
СТИХИ

г. Петропавловск
ОБЛАСТНОЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

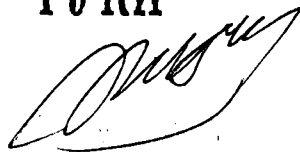
1991

В. Ш.
что руки -
на все время

ВЛАДИМИР ШУКИН

НА РАССТОЯНИИ РУКИ

СТИХИ

6.09.01

г. Петропавловск
ОБЛАСТНОЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
1991

Шукин Владимир

На расстоянии руки. Стихи. г. Петропавловск, Областной фонд культуры—130 с.

У автора сборника стихов Владимира Шукина это первая книга. Ее основная тема—утверждение нови села в краю целины, где старожилы еще помнят Горькую Линию—символ ушедшего прошлого, а сегодня обновленную созидательным трудом людей. Раздумья о времени вводят в мир, полный творческого поиска и устремленности в будущее.

Стихи автора публиковались в областных и республиканских газетах, в журналах и коллективных сборниках.

ДОБРОТА ДУШИ

Владимир Щукин живет в Северном Казахстане, работает редактором районной газеты. И — пишет стихи.

С уваженным отношусь к стойким, творчески состоятельным людям, которые не клянут судьбу, не бьют себя в грудь, а работают, ибо иначе просто не могут. А то, что автор этого сборника личность, творчески состоятельная, в факто подтверждает его первая, долгожданная для автора и, думаю, не разочаровавшая читателей полновесная поэтическая подборка в первом номере «Просто ра» за 1988 год. Конечно, появиться бы ей лет так на десять — пятнадцать раньше. Собственно, тогда автор и предлагал свои вещи журналу, но не вина его в том, что они не пошли: перекрывали дорогу тем, у кого, как говорится, локти крепче. Многие стихи, что наконец-то увидели свет на журнальных страницах, писались не в последние годы, но и в такой публикации есть свой резон и своя мудрость: хорошие стихи не стареют.

Словом, естественно и закономерно появление у Владимира Щукина этого поэтического сборника. В стихах, условно говоря, пейзажных, лирических бьется-пульсирует мысль, тревога, забота, поиск смысла бытия, гармонии, а строк пусто порожних, неработающих здесь, слава богу, почти не встретишь. И еще подкупающее свойство стихов Владимира Щукина — доброта чувства, взгляда на мир, благородство душевное, мягкость,

которые, увы, не всегда встретишь у «городских» поэтов.

Поэт способен выдать такие отточенные строфы, которым, право же, по-хорошему позавидуешь:

Тот много теряет,
чье сердце пустынно,
кто землю не видел
с большой крутизны.
А риск без удачи,
как степь без акына,
акын без домбры
и домбра без струны.

Главное—есть искренность интонации, поэтического высказывания.

Главное, мне кажется, вот это:

Все пройдет,
                                только песня останется...
...пусть не словом,
                                хотя бы полсловом
в чьей-то песне остаться навек.

Думаю, так и произойдет с теми, кто прочтет поэтический сборник Владимира Щукина: в их душе останется песня. Песня светлая, задумчивая, тревожная. О родине. О земле. О нашем прекрасном и яростном мире...

Илья Шухов,

член Союза писателей СССР.

г. Алма-Ата

Стою на расстоянии руки
от звезд, что на ладони у реки,
лишь плеск воды у легкого весла,
как будто шелест птичьего крыла,
лишь небо, видимое до дна,
колосья хлеба, полные зерна,
комбайнов вспыхнувшие огоньки
у звезд, что на ладони у реки.
И стала ночь похожей на рассвет.
...Родился, может, где-нибудь поэт.

РОВЕСНИКУ

Как живешь?
Что снится ночью?
Чем рискуешь?
Может быть, пригрелся в Сочи,
в ус не дуешь?
Кто ты—физик или лирик
в свои 40?
Может, где-то на Курилах
новоселом?
Дружишь с ветром или с дачной
тишиною?
Веселятся или плачут
за стеною?
Может, деньги ты считаешь
для чего-то?
Может быть, тебя считают
Дон Кихотом?
Сердце жжет какая новость
до озноба?
Может быть, пытается совесть,
как Чернобыль?
Будут рифы и откосы,
будут песни.
Отвечать на все вопросы
будем вместе.

ЯНВАРЬ

Потянуло с севера, подуло,
запуржило снегом, замело.
У зимы особая натура
и свое, как видно, ремесло.
Каждый день как будто праздник снега
и улыбок нам не занимать,
ведь недаром в снеге слышно—нега,
небо, Вега и снега опять.
Никому снег нынче не перечит,
окрыляет юность он, как встарь.
И стоит у года на крылечке
первый на селе жених—январь.

Женщина сказала на заре:

«Только б раньше срока не стареть,
только бы морщинки не считать,
раньше срока их не замечать,
только б осень, как бы не пылала,
но весну в душе не отменяла».

А когда растаяла заря,
тишину нарушил плач дитя,
женщина сказала: «Ах, забыла!
Вот уже и утро наступило».

Улыбнулась женщина,

как будто

молодеют матери под утро.

В РОДНОМ КРАЮ

У села название негромкое—
лопушки.

В нем что-то от лугов,
от озер, березового колка,
близны ковыльной, долугов.
Островком в степи маячит Уткино,
уплывают дымкой Симаки,
умываются росой утренней
на душистом сене светлячки.
Позови опять меня, Усердное,
ты себя Усердным нарекло
за свое усердие, наверно,
за свое сердечное тепло.
И Пресновка вновь вдали виднеется
дымкой над озерною водой,
старой деревянной мельницей,
что стоит в селе, как часовой.
И меня всегда хлеба манили
той земли, где жду своих удач,
где прошли по бывшей Горькой Линии
линии электропередач.

—Мне бы в школе детишек учить...

—Мне б с серпом по хлебам походить...

—Мне б на лодочке по реке...

—Мне бы сторожем на маяке...

—Я у дочки давно не гостил...

—Я к своей бы поехал—нет сил...

—Да и я уж теперь домосед...

—Что-то писем от внука все нет...

Говорят меж собой старики,
их слова—будто всплески реки.

РАНЬШЕ...

—Раньше, вспомнишь,
бегали босые
и вставали
рано на заре,
если уж дожди,
то проливные
и зима на снег
была щедрей.
—Раньше молодежь
была смиреннее
и друг друга
больше берегли,
даже небо
было голубее
и сильнее
голоса земли.
Были мужики
в завидной силе,
что траву косить,
что лес валить...
—Раньше мы с тобой
моложе были!
—Ну да что
об этом гворить...

Жаль воды,
по которой и лодки не плавали,
жаль огня,
у которого тихо не плакали,
жаль вины той,
в которой еще не признались,
жаль судьбы той,
в которой мы все обознались:
мы считали,
она до корней исковеркана,
оказалось,
она вся с зелеными ветками,
жаль,
детсад стороною обходит писатель,
жаль,
что это не я у детей воспитатель.

Кажется,

что снег—не настоящий,
если не слепящий, не хрустящий,
если для тебя он не целебный,
если он по запаху не хлебный.

Кажется,

что дом не настоящий,
если не смеются в нем, не плачут,
если в нем среди мужского брата
нет такого, кто чудаковатый.

Кажется,

что дед не настоящий,
если он не пьющий, не курящий,
если ночью, накряхтевшись слишком,
сам себе не снится он мальчишкой.

Кажется,

ты сам—не настоящий,
если не мечтаешь ты о счастье,
и похоже счастье то на внучку,
дедушка ведет ее за ручку.

Ошибаться в человеке—спотыкаться
на глухой, неведомой тропе,
заблудившись, путником стучаться
к самому себе,
забыв про зиму, вдруг пытаться
слушать голос речки подо льдом.
Ошибаться в человеке—ошибаться
в своем сердце,
в потом в чужом.

• • •

В юности советуются с ветром,
с веткою зеленою, с травой,
со снежинкой и с дождевой каплей,
а потом уже с самим собой.
Нет пока ни титулов, ни званий
и манит береза на ветру,
и легко подумать о призвании,
как проснуться рано поутру,
выйти в поле, подмигнуть лукаво
солнцу в оперенье облаков.
...В старости советуются с камнем,
выточенным мудростью веков.

УТРЕННИЕ СТИХИ

...А ветки вновь сплетаются,
звезда летит к звезде,
а дети к сказке тянутся,
как корни трав к воде.
Блестят росинки искрами,
как угольки в золе,
а дети верят искренне
в бессмертье на земле.
Туман лежит, как кружево,
на утреннем окне,
а детям снится мужество,
Чапаев на коне.
На речке лодки с веслами
себя уж не таят,
а дети наши взрослыми
скорее стать хотят.
А жизнь—не каша с ложечки,
и дело, может, в том:
мы—дети все немножечко,
когда чего-то ждем.

Чуждинку в человеке открываешь,
как будто окна настежь открываешь
в себе самом ты рано на заре,
и по чуждинкам ты,
как по тропинкам,
идешь и открываешь
путь к себе.

СОВЕСТЬ

Так случается: ночами
не дает никак уснуть
голос матери печальный
пред разлукой: «Не забудь».
И послышатся однажды
плач обиженных детей,
зов далекий и протяжный
затонувших кораблей.
И появятся тут мысли,
и они среди тишины
жгут нам сердце, будто письма
невернувшихся с войны.
Голоса над изголовьем
так и водят хоровод.
Это совесть,
                                это совесть
нам покоя не дает.

Живут мечтами Циолковские,
их претворить скорей спеша,
и в формулы скупые, броские
вдруг выливается душа.
Стремятся к точности механики
и небом бредит астроном,
и слышит он планет дыхание,
как шелест ветра за окном.
И ждут свой час, как перед стартом,
еще немые чертежи.
А на снегу, уже чуть талом,
луна осколками лежит.
Стоят деревья силуэтами,
как откровения земли,
и мчатся в снах они ракетами
туда, где отблески зари.
А в небе звезды хороваются,
свершает спутник свой полет,
и удивленная, как школьница,
Земля на цыпочки встает.
Посвечивают океаны
и, не тая земную суть,
шуршат ее меридианы,
как листья в сказочном лесу.

СКАЗКА

Сказку мы не даром полюбили,
ну, а чтобы сказку сочинить,
надо между выдумкой и былью
не терять невидимую нить.
Чтобы сказка новая, рождаясь
в блеске звезд и шорохе крыла,
открывала солнечные дали
и тропой неведомой вела.
Чтобы пели ветры над травой,
родники искрились под горой,
чтобы в споре с силой наземною
побеждало все-таки добро.
От чудес нам никуда не деться,
юным душам сказка, точно хлеб,
только б жили на виду у сердца
детские забавы на земле.
Пусть наш мир дёмной еще не ласкает,
только детям—что ни говори—
хоть одну-единственную сказку
человек обязан
подержать.

Я хотел бы
превратиться в остров,
нет, не в Остров сокровищ,
а в Остров надежды.

Я хотел бы
поменяться возрастом
с белобрысым мальчишкой,
в веснушках, потешным.

Я хотел бы,
умерев, воскреснуть,
даже очутившись на горе,
какая есть.

Я спущусь к вам
даже с Эвереста,
если к тому времени
еще будет Эверест.

Девочку они околдовали,
злые духи, власть употребя.
Сердце, не знакомое с печалью,
бьется, не страдая, не любя.
Девочке за синими морями
ничего не надо занимать,
может говорить она с царями,
тайны мирозданья понимать.
Ничего той девочке не надо,
знает все она уж наперед:
не затронет сердца нежность взгляда,
алый парус вдаль не позовет,
не обидит мальчик-забияка,
не ходить ей в росах до зари,
никогда от горя ей не плакать,
не гадать по звездам о любви.
... Ну а ты, а ты полна печали,
принимая это все всерьез,
словно бы тебя заколдовали
в девочку,
не знающую слез.

СОСЕД ПО КУПЕ

Он в шутку прячется, как в дом
в грозу ребенок малый прячется,
и, кажется, в его чудачествах,
запрятавшись, таится гром,
рассказывает анекдот
он так, как будто извиняется
за то, что ложь еще не кается,
а правда оправданья ждет.
В его веселости есть грусть,
а в грусти—что-то от веселости,
и для него нет в этом новости,
и спорить с ним я не берусь,

ХЛЕБ И СОЛЬ

«... есть роскошь человеческого общения» (А. де Сент-Экзюпери)

Надышаться бы мне росой
и водой, и травой весенней,
но дороже мне хлеб и соль
человеческого общения.

И как будто себя открыть—
лишь послышится мне вот это:

—Разрешите у вас прикурить?

—Нет ли лишнего билета?

Разделить бы с тобою боль
да и счастье под мирным небом,
лишь была бы и соль, как соль,
ну а хлеб оставался б хлебом.

♦ * ♦

Мальчика ударили
прямо по щеке
так, что льды растаяли
в гневе на реке,
так, что стали старыми
клены за окном,
так, что вздрогнул ставнями,
покосившись, дом,
будто бы ударили
брата и сестру,
будто бы ударили
в поле по кростру,
будто по скворечнику,
будто по друзьям
и по звону вешнему,
по учителям,
по луне, по радуге
так, что, нет, не зря
убежали праздники
из календаря.

Ах, как не хватает нам детскости,
а если вернее—крылатости,
а если точнее, то нежности,
а вобщем-хоть маленькой радости,
Ах, как не хватает нам звездности,
а если вернее—открытости,
а если точней, то влюбленности,
а вобщем-то—незаменимости.
Тебе не хватает и жалости,
и снов тех, что к счастью бывают,
а мне не хватает лишь малости—
того, что тебе не хватает.

* * *

Скажем так и, может быть, не зря:
если вместе сила, ум и мужество,
то они в таком своем содружестве
все равно как три богатыря.
Но порою и одна улыбка—
это тридцать три богатыря.